

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

26 ноября 2012

Макс Неттлау

Что должны делать анархисты в случае войны

Макс Неттлау

Что должны делать анархисты в случае войны

1931

Опубликовано в сборнике «Очерки по
истории анархических идей», Детройт, 1951
Сохранено 25 ноября 2012 года из flibusta.net

Оглавление

* *

15

нас — огромная агитационная задача. Без сомнения, необходимо действовать, но для того, чтобы быть плодотворным, это действие должно быть основано на знании и интеллектуальной мощи. В содействии этому и состоит наша великая работа. В пробудившейся Испании мы видим, как много может быть сделано путем согласования усилий разных групп. Ясное понимание вопроса о войне приводит к анархизму — и обратно. Здесь мы имеем, таким образом, широкое понимание обоих интересов, которое приведет к пополнению наших рядов новыми людьми. Для нас, анархистов, существенно важно не упускать эту проблему из виду. Мир, свобода, солидарность, грядущая анархия так же неразрывно связаны между собой, как война, власть, себялюбие и грядущий всеобщий гнет и разрушение. Неужели так трудно выбрать правильный путь?

Ответ на этот вопрос очень прост: так как война является одним из самых антисоциальных, антианархических действий людей, то анархисты должны предупреждать войну, препятствовать ее возникновению и бороться с ней. Они не могут принять участия в ней, как анархисты, ни под каким условием. Если личные чувства и обстоятельства побуждают или принуждают их принять участие в войне, то в последнем случае, уступая принудительной силе, они все же могут, путем молчаливой обструкции и других таких же видов сопротивления, действовать в качестве противников войны, какими они остаются в душе. В первом случае, однако, если анархистами овладевает какое-нибудь националистическое или патриотическое чувство, или же если какие-нибудь интересы заставляют их желать того или другого исхода войны, то в таком случае их прямой обязанностью является тотчас же безмолвно покинуть ряды анархистов и не подавать дальнейших признаков жизни среди товарищей.

Анархистами являются те, в ком анархические взгляды определяют поведение и оказывают влияние на душевные настроения. Если в каком-нибудь данном случае верх одерживают другие чувства, — национализм, патриотизм, предубеждение, — то такие анархисты являются для указанного времени националистами, патриотами, заинтересованными шовинистами, а их анархизм отступает на второй план. Если они этого не понимают и пытаются, с помощью резонерства и силлогизмов, доказать самим себе и товарищам, что их два убеждения совместимы, что они остаются столь же добрыми анархистами, как и добрыми патриотами, то они становятся прямыми врагами нашего дела, ибо фальсифицируют и разлагают наши идеи, и превращают их в совершенно противоположное дело. Каждый свободен действовать согласно тем чувствам,

какие в нем преобладают в данное время, но если он пускается теоретизировать о своих личных шатаниях и если, чувствуя себя вынужденным так поступать, он заставляет своих товарищей, путем убеждающей аргументации или страстных речей, следовать за ним, тогда он действует, как враг нашего дела.

Я думаю, что несколько возможностей, обсуждающихся здесь, касаются всех относящихся сюда вопросов. Не может быть никакого теоретического оправдания анархистов, принимающих участие в войне. Слабые, несовершенные, очень дифференцированные человеческие существа, находящиеся во власти неанархических чувств, поступают иначе в силу своей слабости и в таком случае двери широко открыты перед ними; Если они уважают анархизм, который, быть может, остается дорог им, как идеал, который они бессильны осуществлять во всей его полноте, то они уйдут, не сказавши ни слова. Действуя иначе, они причиняют большой ущерб делу, и это должно быть открыто им сказано.

Эти выводы могут быть сделаны, я думаю, из очень горького опыта, который дан был анархистам всех стран великой войной 1914–1918 г.г. и последовавшими за нею событиями. До войны этим капитальным вопросом занимались очень мало. Я мог бы даже сказать, что его считали пустяковым вопросом и анархисты, и социалисты, и все передовые социальные группы на протяжении почти 150 лет. Я приведу краткий обзор этого периода, чтобы объяснить, что именно я хочу сказать.

Войны, начиная с XVI столетия, вызывались, главным образом, соперничеством династий, жадной завоеваний и торговыми интересами. Войны становились особенно жестокими, когда эти факторы сочетались с религиозными вопросами, с борьбой католиков и протестантов. Когда турецкие набеги на центральную Европу, разбойничьи действия мавров на Средин-

Никто не имеет права возбуждать одних людей против других для целей взаимного истребления. Если надменность и жестокость древнего Рима заставляли пленников убивать друг друга, выступая гладиаторами в цирке для забавы императора и народа, то ведь это зрелище давно отжило свое время, — хотя многие виды современного спорта сильно напоминают его. Войны тоже будут казаться нам коллективным преступным безумием уже в ближайшем будущем. Они казались бы такими уже и сейчас и гораздо более широким кругам, чем довоенные гуманисты и нынешние анархисты, если бы, как я пытался объяснить это выше, не обманчивые фразы: «революционные войны,» «войны за независимость,» «демократические войны.» Эти фразы обольщают даже социалистов и некоторых анархистов.

Но такие войны перестали происходить после американской и французской революций, продолжением которых были национальные войны в духе Гарибальди. Это время прошло. Множество вооруженных наций управляют теперь безоружными нациями, которые могут только восставать, но не могут более вести правильную войну. Нет необходимости объяснять, на чью сторону станут анархисты в случае восстания. Настоящие войны между одинаково вооруженными государствами возможны теперь только для целей грабежа и притеснения, а это не может вызвать ни малейшего сочувствия у гуманистов и анархистов. Таким образом, то положение, которое создалось в 1914 году и вызвало колебания у некоторых анархистов, уже не может более возникнуть, и весь вопрос, благодаря этому, сильно упростился.

Но враги, то есть, все те, кто заинтересован в войне и желает нажиться на ней, пускают в ход все средства, чтобы затемнить эти ясные вопросы. Нас все еще немного и перед каждым из

довищность того, что им приказывают делать, заставит их увидеть преступность современного государства, которое уже больше не является общественно-полезным учреждением, каким оно претендует быть, а просто самым антиобщественным учреждением, какое только можно себе представить. Увидев это, бунтари станут отделяться от этого антисоциального организма и станут решать свои дела по взаимному соглашению, миролюбиво и доброжелательно.

Это показывает, что к данному вопросу можно и нужно подходить с разных сторон и что для анархистов возможна только одна позиция по отношению к войне, — безусловная вражда к ней, воздержание от нее, борьба с ней и непрерывное противодействие всему, что ведет к ней. Мы стоим в стороне от государства, не стремясь быть избирателями, не желая быть политиками и участвовать в выборах. Мы не жаждем быть у власти и не хотим быть орудием власти, какого бы рода она ни была. Мы не поддерживаем государства интеллектуально, не возносим ему хвалу, как это делают раболепствующие писатели и ораторы. Мы стоим вдали от государственной деятельности. Как же можем — мы отречься от этой борьбы и этой позиции, ставши на сторону государства во время войны?

Мы становимся на сторону человечества, которое шире, старше, бесконечно благороднее, чем все государства, которые, исторически говоря, являются временными надстройками, весьма сомнительной ценности и, без сомнения, не очень значительной прочности. Человечество будет жить и после того, как государства исчезнут, его полная и настоящая жизнь станет разворачиваться только тогда, когда людей перестанут отделять друг от друга искусственные преграды, подобно тому, как в зверинцах старого типа зверей разделяют железными перегородками клеток.

земном море и т.д. создавали необходимость в организации сопротивления им, то это были войны, имевшие целью помешать разрушению городов и обращению их жителей в рабство. Очень немногие войны были войнами освободительными, как война Нидерландов против Испании, война английских республиканцев против королей династии Стюартов и т.д. Иногда сопротивление маленького народа против большой державы привлекало к нему симпатии, как, например, в эпоху средних веков, борьба швейцарских кантонов против германской империи, против Карла Бургундского, или в XVI веке война маленькой Пруссии времен Фридриха II против объединившихся Австрии, Франции и России. Все это заставляло общественное мнение этих стран различать между своекорыстными захватчиками, свирепыми войнами королей и министров, и войнами, связанными с каким-нибудь более или менее достойным делом, имевшим целью независимость маленькой страны, религиозную свободу, защиту против восточного рабства и т.д.

Позднейший тип войны возник перед лицом всего либерального мира в форме американской войны за независимость и первых войн французской революции, ведшихся ею для самозащиты. Однако, когда эти оборонительные войны выродились в войны захватнические и завоевательные, когда Наполеон предпринял покорение всей Европы, тогда стало не менее справедливым делом сопротивляться ему и наносить ему поражения. В этом деле объединилась вся Европа: Испания и Англия, Германия и Австрия, Россия и Швеция. Таким образом, в течение всего периода от 1776 года вплоть до 1815 года, до битвы при Ватерлоо, все радикальное общественное мнение страстно поддерживало дело народов, сопротивляющихся тиранам с помощью войны. Первые требования прочного мира заявлены были американскими обществами мира, при чем эти

общества исходили исключительно из религиозных побуждений и оставались на этой почве до 50-х годов прошлого века.

В Европе не было династических войн с 1815 года до Крымской войны, в течение 40 лет, но так как реконструкция Европы в 1814–1815 годах (Венский Конгресс) произведена была чрезвычайно односторонним путем, в согласии с интересами великих держав и их требованиями о восстановлении территориального порядка, существовавшего до 1779 года, то повсюду было огромное недовольство. Различные нации, обманутые в своих надеждах и не добившиеся конституционного устройства, вновь попали под ярмо абсолютизма. Эти нации решили добиться своего освобождения или путем восстания и революции, или, если возможно, путем иностранного вмешательства, или путем союзов, ведущим к местным или общим освободительным войнам. Революция и война были, таким образом, неразрывно связаны с передовой мыслью почти всех групп. Большинство социалистов первой половины XIX века лично разделяли эти взгляды и были готовы сражаться в освободительной войне так же, как готовы были сражаться на революционных баррикадах. Интернационализм понимался, как международная солидарность с нациями, восставшими во имя своего освобождения. Мадзини был типичной фигурой того периода, в одной руке он держал нити множества народных восстаний, а в другой — связи с несколькими правительствами и старался побудить их к такой политике, которая привела бы к войне с угнетателями Италии. Оба метода в равной степени отвечали его целям. Он надеялся, разумеется, что будет в состоянии пользоваться обоими методами таким способом, который был бы наиболее благоприятен для осуществления его политических, национальных, социальных и религиозных идеалов. Слова «Коммунистического Манифеста», что у рабочих

колебаться в вопросе о том, что делать в подобном случае?

Прогрессивные идеи распространяются разными путями. Можно изложить людям целый ряд идей и убедить их в истинности всей совокупности этих идей. Тогда отдельные идеи неизбежно и самопроизвольно зарождаются в людях. Так, например, убежденный анархист неизбежно будет антимилитаристом, другом мира, безусловным врагом войны.

Можно также объяснять каждую идею особо, доказывать ее, и тогда, исходя от этих идей, логично мыслящий человек приходит к целому, часть которого составляет каждая из этих особых идей. Тогда человек, который видит ужасы войны и милитаризма, приходит к тому, что делает войну неизбежной: государства, которые всегда бывают эгоистичны и всегда соперничают друг с другом. Он видит, что только уничтожение государства может обеспечить мир, а это уничтожение государств означает анархизм.

Иногда идею доказывает человек, применяющий ее на деле. Наблюдая это, люди приходят к пониманию совокупности относящихся сюда идей. Таким образом, когда лучшие из людей часто отказываются от военной службы, отказываются убивать других людей по приказу свыше, когда они становятся мучениками во имя этого, тогда люди понимают, на каких высоких принципах основан этот поступок и видят весь механизм организованного себялюбия и жестокости, понимают роль государства и начинают понимать анархизм.

Или, наконец, люди становятся на правильный путь в качестве сознательных или пока еще не сознательных бунтовщиков. Они отказываются участвовать в организованном убийстве, в отравлении людей по приказу власти, в защите интересов своих эксплуататоров и в изготовлении оружия, в выделке ядов и взрывчатых веществ для уничтожения целых народов. Чу-

женщин и детей, с помощью продуктов современной и минувшей цивилизаций.

Грядущие войны уничтожат населенные центры старой социальной жизни, накопления культуры, искусства, воли, таланта и энергии. Оставшееся в живых население будет рассеяно по лесам и будет вытеснять население окраин с цивилизованного мира. Это означает, что прогресс будет уничтожен и что будущее ближайших поколений будет в руках наименее развитых элементов населения или в руках завоевателей, пришедших из менее цивилизованных стран. Все это означало бы уничтожение всех надежд на прогресс на неопределенный период. Человечество было бы отодвинуто в самые мрачные периоды начала средних веков, когда города предавались грабежу, центры знания разрушались, а население было бедно и редко.

Таким образом, война в нынешний век химии неизбежно будет отличаться от того, чем она была еще при нынешнем поколении. Многие из нас еще помнят героического Гарибальди, умершего в 1882 году, и те же люди дожили до дней, когда отравитель становится героем войн, приготовления для которых делаются теперь более интенсивно и с большими расходами, чем когда бы то ни было раньше, при всеобщем народном безразличии и еще большем равнодушии, чем раньше.

Народы, а также некоторые из наших товарищей, приняли участие в войне 1914 года в убеждении, что это будет геройская война в духе Гарибальди. Они жестоко ошиблись. Война очень скоро оказалась безобразной, томительной, механической войной. Они привыкли к этому с течением времени, и теперь воображают, что будущая война будет подобна минувшей войне, будет такой же изнури-тельной войной в траншеях, прерываемой лишь несколькими геройскими атаками. Неужели они вечно будут позволять себя дурачить? Разве может анархист

нет отечества и что пролетарии всех стран должны объединяться, чрезвычайно одиноко звучали в 1848 году. Только Прудон сохранял хладнокровие, но и люди, подобные Бакунину, очертя голову, бросились в национализм, и войны за национальное освобождение повсюду встречали поддержку социалистов.

1848–1849 годы, — годы удивительного пробуждения европейских народов, — увидели, таким образом, дробление народных усилий, желаний и интересов в направлениях политическом (республиканцы), национальном (национальная независимость) и социальном (социалистическом, пролетарском). Это великое дробление сил дало возможность реакционным силам победить эти расколовшиеся силы одну за другой и даже направить их одну против другой и, таким образом, парализовать их. В результате ни один вопрос не был разрешен, и все погрузилось в годы крайней реакции. Вновь появились эти вопросы с еще большей силой, когда Крымская война нарушила неподвижность больших европейских государств, длившуюся с 1815 года. После этого итальянский, германский, польский, датский и другие вопросы поставлены были на очередь с новой силой. Опять восстания и войны стали возникать в тесной связи между собою, но руководились они только национальными интересами. Затем Мадзини, Гарибальди, Пьемонтский министр граф Кавур и король Виктор Эммануил, Наполеон III и Бисмарк, польские заговорщики и Бакунин 1862–1863 годов (в Лондоне, Париже и Стокгольме), французские республиканцы и немецкие национал-либералы, основатели Интернационала 1864 г. и Маркс, который так горячо желал европейской войны против России, — все эти действия, короли, руководящие дипломаты и революционные социалисты работали для войны и подготовляли или содействовали подготовке восстаний. Разумеется, их деятельность была связана с их дальнейшими

планами: государственные люди надеялись завоевать власть и преобладание, каждый в своем государстве, революционеры работали для социальной революции, а националисты мечтали о возрождении и славе своих наций.

Во всем цивилизованном мире один только Прудон ясно видел, что ни один вопрос не может быть разрешен путем войны и неравенства, возникающего из войны, — неравенства возрастающего, ведущего к новому взрыву вражды и зависти и к новым войнам. Так именно и возникли войны 60-х годов (1870–1871), а равно и войны периода 1914–1918 г.г., и так будут возникать все войны, ожидающие нас впереди. Прудон только видел одно правильное решение: федерализм, как понимал его также и его великий современник П.Маргал. Он высказал свои мысли в своих знаменитых статьях 1859–1863 годов, но был подвергнут моральному линчеванию, в котором приняли участие патриотические социалисты и республиканцы того времени, после чего он был силою удален из Брюсселя городской чернью.

Единственный выдающийся социалист, серьезно отнесшийся к идее федерации, был Бакунин, который с головой ушел в националистические заговоры и агитацию в 1862–1863 годах. Однако, он, в конце концов, увидел, благодаря польскому опыту, тщетность всего этого. Начиная с 1864 года, он противодействовал национализму Мадзини в Италии и изложил принципы федерализма на Женевском Конгрессе в сентябре 1867 г. и на собраниях Лиги Мира и Свободы в 1867–1868. Аргументы и предложения Прудона и Бакунина до сих пор остаются наиболее серьезными, хотя и мало обращающими на себя внимания, выступлениями социалистов против войны. Оба они признавали, что государства означают войну и что только федерация государственных единиц — пока государства остаются

они были во время войн 1870 и 1914 годов, должны быть оправданы в силу их личного характера, который не оставил им выбора. Они не знали ничего лучшего и хотели действовать, как можно лучше. Но не может быть прощения за участие в будущих войнах. Если участвовать в них будут анархисты, то этим они сами себя устроят из нашей среды: если они возведут свое преступление в теорию, то к ним можно отнестись только с презрением, если же они молча уйдут прочь, то забудем о них.

Мы живем в век быстро идущей жизни. Последние 150 лет видели развитие, перестройку, переоценку, возвышение и падение стольких идей и идейных течений. Отношение к войне также прошло через описанные здесь этапы: от войны династической до войны демократической, утверждающей национальное освобождение, идущей почти до международного восстания и, таким образом, завоевывающей сердца наиболее бескорыстных, романтических и смелых людей, придерживавшихся передовых, революционных взглядов. С тех пор война, неисправимое зло, снова спустилась до войны империалистической, до войны во славу честолюбивого национализма. Эти этапы отмечены такими людьми, как Вашингтон, Лафайет и первые генералы Французской Революции: Гош, Моро и другие, а позднее — Гарибальди. Но в 1914–1918 годах война велась бездушными техниками-генералами, стоявшими во главе учнейших генеральных штабов. Это были техники, заведовавшие войной.

В грядущих войнах, которые будут вестись с помощью ядовитых газов и массового истребления населения, характерными фигурами будут отравители, укрывшиеся в подземных лабораториях, и люди, с безопасного расстояния убивающие, калечащие и уничтожающие в огромном количестве мужчин,

ужасные войны на континентах Азии и Африки, и в настоящее время восставших расстреливают небольшими группами в Бирме, во французской Азии, на голландской Яве и в большом количестве в Индии, и где Китай никогда не знает покоя. Жадность белой расы вызовет мировой бойкот против нее и, быть может, разрушительные набеги в духе большевизма.

Я пишу об этих возможностях с сознанием, что только социальная революция может сделать их невозможными. Я хочу показать, что будущие войны уже никогда более не могут быть такими относительно безвредными, какими были войны периода 1776–1897 годов, когда проблемы независимости и освобождения делали большинство войн популярными и когда граница между войнами и восстаниями была часто почти неуловима. В то время воевали только солдаты, оружие было примитивно по сравнению с нынешним, а личные права невоюющих в значительной степени соблюдались. Такие войны относятся к прошлому, а грядущие войны будут войнами на истребление с целью предотвратить восстания нынешних рабов. Это будут войны финансистов в поисках добычи, войны фашистов, страдающих манией убийства, войны для увековечения эксплуатации в других континентах, войны для уничтожения свободы там, где она развивается, для уничтожения социализма, для увековечения нынешнего страшного рабства.

Противодействовать таким преступлениям при всякой возможности должно быть личным делом каждого. Этим путем мы устраняемся от участия в войне, мы сопротивляемся убийству и порабощению людей. Но нет прощения анархисту или вообще какому бы то ни было человеческому существу, принимающему участие в подобных войнах на стороне сильного, наилучше вооруженного, имеющего шансы победить и поработить новые массы людей. Бакунин, Реклю, Кропоткин, какими

неразрушенными, — могут обеспечить мир.

Однако в 1867–1868 годах перед Европой стоял ряд национальных проблем, которые могли бы быть разрешены только войной. Таковы были вопросы об объединении Италии, о требовании Францией вознаграждения за невмешательство в национальную реконструкцию Германии и Италии в 1866 году, о таких же требованиях России, подлежавших удовлетворению за счет Турции, а может быть и за счет Австро-Венгрии, а также о национальных требованиях нерусских славян. Все это привело к войнам в период 1870–1914 годов. Уже первая из этих войн, Франко-Германская война 1870–1871 годов, застала Бакунина, Маркса и всех социалистов на своих позициях, и все были против Германии.

Итальянская война против папы и захват Рима были одобрены всеми итальянскими социалистами. Восстания в Боснии, сербская война, русско-турецкая война были одобрены русскими социалистами — Кропоткиным, Степняком-Кравчинским и другими, в то время как Маркс стоял за Турцию. Лишь очень немногие анархисты на Бернском Конгрессе объявили себя и против России, и против Турции, и отказались считать эту войну освободительной войной. Это первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны, обоснованное в манифесте, написанном Перроном (Женева), Джемсом Гильомом (Невшатель), Кафиеро (Италия), Николаем Жуковским (русским эмигрантом в Женеве) и Элизе Реклю, который был патриотом в 1870–1871 годах, — было, таким образом, выступлением против восточной войны. Кропоткин в его статье в Юрском «Бюллетене» 1877 года такой позиции еще не занял. В период 1879–1882 годов, когда он издавал в Женеве «Ле Револьте», и позднее, когда он вышел из тюрьмы и снова стал писать в этой и других газетах и в лондонской «Фридом», в

1886–1914 г.г., он продолжал делать то, что все делали раньше: в момент возникновения войны он становился на одну сторону против другой страны, считая, одну представительницей прогресса и освобождения, а другую — представительницей реакции и порабощения. Прогрессивной стороне он желал всякого добра, так как в его расчет входило, быть может, намерение воздержаться в тех случаях, когда не было бы возможности установить, какая именно сторона является прогрессивной; Он с восторгом поддержал бы всякое действие против Турции, Германии, Испании, Японии, Англии, которых он не любил, и стал бы на сторону России (во время войны с Японией), со славянскими национальностями (против Турции), с Францией 1914 г. Для него все это было личным делом, связанным с каждым фибром его мозга, с каждым нервом его. Он ненавидел Турцию и Германию, считая Англию более опасной. Во время Южно-Африканской войны он очень определенно высказал свое мнение по этому вопросу в печати. Он обожествлял Францию, которая всегда была для него французской Революцией, идущей вперед с развернутым флагом и распространяющей свободу по всему миру.

Таким образом, в эпоху 1377–1914 годов, в лице наиболее видного анархиста Европы, товарищи имели перед собой человека, который со страстью защищал одну из враждующих сторон во время войны. Это был Кропоткин. Такова же была позиция Бакунина в 1846–1863 г.г. в славянском вопросе, в 1870–1871 годах — в споре о Франко-Германской войне. Перед анархистами был также пример французских социалистов и передовых республиканцев: Годфруа, Кавеньяк, Барбес, Бланки, итальянцы: Писакане, Гарибальди, Мадзини, теоретический русофоб Маркс. Все они, за исключением Прудона, а также Бакунина, каким он был в короткий период 1864–1870 г.г., — оди-

они увидят, где находятся силы, подготовляющие новые войны, и сумеют повести с ними разумную борьбу, изолировать их и вытеснить их. Только путем такой борьбы они окажутся на уровне событий, не будут ими обмануты и брошены на ложный путь, как это случилось со всеми нами в 1914 году. Теперь задор национализма выдохся, его блеск померк, и мы видим эгоиста, самодержца, фашиста за всей этой шумихой. Теперь блеск сепаратизма, стремление разрывать на части экономические единицы — исчезли, и мы видим нищету, лишения, экономическую разруху, отчаяние, возникшие из экономической изоляции. Теперь империализм, международные финансы, дипломатия, военная промышленность, ненасытный милитаризм, ядовитые газы — все это мы видим бесконечно яснее, чем прежде.

Каков бы ни был предлог, который может послужить для того, чтобы спустить с цепи новую войну, мы знаем, что, во всяком случае, эти предлоги будут — ложны. Война будет вызвана потому, что тот или другой из группы сообщников думает, что в руках у него выигрышные козыри. Война отныне признается безусловно позорной игрой, в которую играют для того, чтобы грабить и разорять побежденных. Эти последние, обезоруженные и бессильные, были бы самоубийцами, если бы попытались броситься на державы, вооруженные до зубов. Такой поступок мог бы вызвать восстание, которое послужило бы предлогом для того, чтобы для побежденных были выкованы еще более тяжелые цепи. Надежды этих жертв основаны на возможности разложения в стане самих победителей, вследствие разрушения, которое они создали и которое распространяется и превращается в мировой экономический кризис. Надежда победителей построена на расчете и продлит свое господство путем создания новых жертв. Поэтому возможны

общественной жизни. Отсюда появление итальянского фашизма, югославского абсолютизма, германского национализма отчаяния. Единственные страны, жизнь которых нормальна и которым не угрожает серьезный кризис, — это три скандинавские страны, Швейцария, Голландия, маленький Люксембург и, до некоторой степени, Бельгия. Только в одной Испании совсем недавно установился свободный режим, и либертарные рабочие там многочисленны и могущественны. Прибавьте к этому великие перемены в Британской Империи, коснувшиеся даже Австралии, затем перемены в Южной Америке и гигантский рост благосостояния, но также и некоторых экономических потрясений и опасений за будущее в Соединенных Штатах.

Конечно, наша политическая и социальная мысль должна принимать во внимание все это. Политические и социальные наблюдения Бакунина и Кропоткина, покрывшие 90 лет — с 1830 до 1920 — отразившие влияние Французской Революции, 1848 и 1870 годов, рост империализма с 80-х годов до Великой войны, — этот опыт, и без того обширный, уже дополнен для нас периодом 1920–1930 г.г., периодом огромных перемен, которых не могли предвидеть эти старые товарищи. Только Малатеста может оглянуться на период с 1870 года и ранних традиций и протянуть линию от них до периода 1920–1930 годов, который разрушил его надежды, установив фашизм в дотолле прогрессивной Италии. Испания 1931 г. несет новые надежды, но не легко понять, как накопленная ею сила, долго бывшая невидимой под монархической надстройкой, будет действовать при нынешнем возрождении страны.

Все это теперешние анархисты должны изучать и анализировать, находить движущие факторы прогресса и содействовать их развитию. Они должны также воздерживаться от поддержки ретроградных тенденций, которых теперь так много. Тогда

наково рассуждали и чувствовали, мыслили и мечтали, были готовы действовать и действовали в восстаниях, революциях и войнах одинаковым образом, прибегая то к тем, то к другим приемам борьбы, смотря по обстоятельствам.

Откуда же, могу я спросить, могло бы явиться настроение против войны, раз величайшие войны прошлого века считались священными для революционной совести, как войны освободительные или как оборонительные войны против наступления реакции или в защиту национальной независимости?

множество одинаковых и незабываемых впечатлений. Элизе Реклю получил совершенно иной ряд впечатлений. Малатеста — опять другой ряд их, и так же обстоит дело с нами самими.

Почему же особые взгляды Бакунина и Кропоткина должны быть более приемлемы для нынешнего поколения, чем взгляды Реклю, Прудона, Малатесты и других? Почему бы нам не руководствоваться, прежде всего, нашими собственными впечатлениями во всех этих вопросах?

В результате войны национальные мечты Бакунина и Кропоткина почти осуществились. Россия освободилась от европейского влияния, Германия раздавлена. Австро–Венгрия более не существует. Славянские национальности имеют свои собственные независимые государства с границами, проведенными по их собственным указаниям, согласно самым либеральным принципам. Франция всемогущая в Европе, Польша восстановлена. Только федерализма нет нигде. Лишь в Испании он сейчас появился, но совершенно независимо от войны. Национальные государства пользуются автономией; тем не менее, они вошли в сферу преобладающего влияния Франции.

Англия начинает скептически относиться к новым порядкам на континенте. Деловые люди с сожалением смотрят на этот континент, разделенный множеством таможенных барьеров и покрытый разоренными государствами или странами с уменьшившейся покупательной силой и искусственно насажденной местной промышленностью. Все на этом континенте как будто ждет помощи от кого–нибудь и своими силами не развивается. Наиболее умные наблюдатели советуют изменить эту политику взаимного разрушения, но никто не смеет прикоснуться к непрочной постройке из опасения, что она рухнет вся целиком. Это — триумф эгоизма над солидарностью, взаимной озлобленности над доброжелательством, антисоциализма против

авторитарных социалистов, вроде Сен–Симона, следующее поколение — Луи Блана и Маркса, и следующее за ним — Бебеля и Либкнехта, с двумя следующими за ними, — т.е., если мы сравним людей 1810, 1840, 1870, 1930 г.г., — то получится типичная эволюция вырождения, уже прекратившаяся в наши дни, когда вожди становятся государственными министрами, а рядовые люди не имеют собственной социалистической жизни. Интеллектуальная и энергичная жизненность либертариев развивается иначе. Они могут выполнять долг интернациональной солидарности, отвергнутый сторонниками авторитета. Но им придется самим изучать эту проблему. Нынешнему поколению нужно самому решать ее, а не принимать ныне уже устаревшие формы, какие придали ей Бакунин и Кропоткин, люди уже отошедших времен.

При всем уважении к Бакунину и Кропоткину мы знаем, что оба они были воспитаны в военной среде и были русскими офицерами. Хотя оба они переросли свою среду и жили интернациональной жизнью в наиболее передовой среде Европы, однако оба они были в ранней молодости — и никогда этого не отрицали — на протяжении нескольких лет не милитаристами, правда, но национальными патриотами. Другими словами, патриотизм был не очень крепко привит им путем воспитания, но сами они, как оппозиционеры и как юноши, исполненные возвышенной мечтой о полезной работе для родины, идеализировали официальный патриотизм и таким образом подлинно любили Россию в своих мечтах.

Я не буду продолжать это сравнение, ибо оно потребовало бы тщательно установить, в чем они отличались друг от друга. Но суть в том, что Россия 30–х и 60–х годов и Западная Европа 40–х и 70–х годов, где сформировались их характеры и где заложены были основы их жизненного опыта, дали им

Что было действительно сделано для мира в течение этого длинного периода? Четыре интернациональных Конгресса 1848–1851 годов, Лига Мира и Свободы с ее неопределенными федералистскими тенденциями, начавшиеся в 70-х годах попытки свести проблему о мире к формальным договорам о третейском суде, даже голос Толстого, звавший человечество к возвышенным идеалам, — все это лишено было подлинного порыва, который доходил бы до сердца народа.

Социалисты из рядов рабочего класса говорили о бесчинствах солдат, о разорительных расходах на вооружение, о растущем искушении прибегать к войне в интересах торговли и финансов, борьбы за рынки, о спорах за колонии и подчеркивали ненасытную жадность империалистов. Из всего этого возникла некоторая доля антимилитаризма, начались отказы от военной службы, создались маленькие движения преданных этой идее людей, было много жертв, пренебрегших самыми жестокими преследованиями и продолжающих ими пренебрегать. Но в то же самое время территориальные партии политических социалистов приняли такие обширные размеры, что стали подумывать уже о завоевании политической власти, министерских постах для социалистических лидеров, и эти мечты осуществились. В послевоенные годы целые рабочие правительства стали обычным явлением. Все это было направлено к победам на выборах и заставляло политических социалистов очень бережно относиться к патриотическим убеждениям миллионов своих возможных избирателей.

При таких обстоятельствах антимилитаризм и подлинная оппозиция политике престижа и сильной власти, которую ведет всякое государство, стали невозможными для миллионов политически организованных рабочих. Миллионы организованные в тред-юнионы и синдикаты, представляющие теперь

повсюду главную массу рабочего класса, жизненно заинтересованы в процветании торговли своих стран. Вывоз зависит в значительной степени, в настоящее время, от богатства и силы вывозящей страны. Следовательно, опасность безработицы и низкой заработной платы угрожает, прежде всего, менее могущественным государствам, как это показывает сравнение численности безработных и плохо оплачиваемых рабочих в обезоруженной Германии и в разоренной Австрии — с рабочими Англии и Франции. Таким образом, политически и экономически, в настоящее время, интересы государства, капиталистов и рабочих соединены воедино в тех странах, которые еще процветают.

Нельзя ожидать действий, направленных к интернациональной солидарности, к серьезному сокращению вооружений и т.д. от массы рабочих больших и благоденствующих стран, ибо эти массы не желают уменьшения благоденствия и могущества своей страны, т.е. хотят неравенства, которое может поддерживаться только силою вооруженной государственной власти, всегда готовой к войне.

Подлинный антимилитаризм никогда не развивался и не может развиваться при таких условиях.

Все это привело к тому, что подлинный цельный социализм в настоящее время встречается только среди либертарных социалистов. Искреннее стремление к миру, подлинная интернациональная солидарность, настоящий антивоенный дух также могут существовать только среди либертарных социалистов. Это показывает, какую великую ответственность приходится нести свободолюбивым социалистам, пережившим, путем естественного отбора многочисленные виды социализма, ту его авторитарную форму, которая выродилась и остается бесплодной. В самом деле, если мы сравним поколения ранних